

Научная статья

УДК 81'27

doi: 10.17223/19996195/58/2

МОДЕЛИРОВАНИЕ ФУНКЦИЙ ЯЗЫКА

Владимир Ильич Карасик

*Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
Москва, Россия, vkarasik@yandex.ru*

Аннотация. Рассматриваются подходы к определению функций языка в лингвистике. Цель работы состоит в сравнении различных функциональных объяснений сущности языка. Показаны характеристики языка, рассматриваемого с позиций его коммуникативного, когнитивно-культурного и семиотического понимания. Различие между монофункциональным (только коммуникативным) и полифункциональным пониманием языка состоит в трактовке функции как использования объекта либо его использования, встроенности в систему и принципа организации. При полифункциональном подходе к пониманию языка его различные характеристики рассматриваются как взаимодополнительные. Обсуждаются подходы к пониманию и описанию языка, обоснованные в работах К. Бюлера, Р.О. Якобсона, А.А. Леонтьева, М. Халлидея, Л.С. Выготского. Значимыми являются противопоставления эмотивной и референтивной функций, с одной стороны, и референтивной и поэтической функций – с другой. Эти дистинкции позволяют соотнести понимание языковых функций с противопоставлением модуса и диктума, а также содержания и формы языкового знака.

В основу ряда моделей положена концепция бинарного обоснования языковых функций, включающая базовые и дополнительные функции, при этом в число базовых входят коммуникативная и когнитивная (когнитивно-культурная) функции. Осмысление этих функций лежит в основе возникновения ведущих направлений современной антропологической лингвистики – прагмалингвистики, теории дискурса, психолингвистики, социолингвистики, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. В меньшей мере в работах исследователей представлено осмысление семиотической функции языка. Предлагается фрактальная модель языковых функций, в рамках которой последовательно уточняются коммуникативные, когнитивно-культурные и семиотические характеристики языка.

Ключевые слова: функции языка, речевая деятельность, коммуникация, культура, знаковая система

Для цитирования: Карасик В.И. Моделирование функций языка // Язык и культура. 2022. № 58. С. 29–42. doi: 10.17223/19996195/58/2

Original article

doi: 10.17223/19996195/58/2

MODELING LANGUAGE FUNCTIONS

Vladimir I. Karasik

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia, vkarasik@yandex.ru

Abstract. The paper deals with approaches to definitions of language functions in Linguistics. The aim of the article is to compare functional explanations of the language essence. The properties of language are discussed from the points of view based on its communicative, cognitive-cultural and semiotic understanding. The difference between a monofunctional (communicative) and polyfunctional understanding of language consists in treating a function either as usage of the object or as usage, integration into a system, and the principle of organization. A polyfunctional approach to understanding of linguistic functions presupposes complementarity of its functions. Theories of K. Bühler, R. Jakobson, A.A. Leontyev, M.A.K. Halliday, and L.S. Vygotsky are discussed. The oppositions of emotive and referential functions, on the one hand, and referential and poetic functions, on the other hand, correspond to *modus* and *dictum* in communication and to content and form of a linguistic sign. The models analyzed include a distinction between basic and additive linguistic functions, the former are explained as communicative and cognitive (cognitive and cultural) properties of the language. These functions are taken as the basis of new directions of Anthropological Linguistics including Pragmalinguistics, Discourse Theory, Sociolinguistics, Psycholinguistics, Cognitive Linguistics and Language and Culture Theory. A semiotic function of the language is presented in modern linguistic theory to a lesser degree. A fractal scheme of describing functions of the language is presented aimed at specifying its communicative, cognitive-cultural and semiotic characteristics.

Keywords: language functions, speech activity, communication, culture, semiotic system

For citation: Karasik V.I. Modeling language functions. *Language and Culture*. 2022;58: 29-42. doi: 10.17223/19996195/58/2

Введение

Обсуждение функций языка является одной из вечных тем лингвистики. Традиционно функция понимается как цель существования явления. Принципиальная многомерность мира приводит к признанию множественности функций у познаваемых объектов. Вместе с тем стремление к упорядочению знаний неизбежно определяет ту или иную исследовательскую позицию, которая диктует выбор приоритетов в познании и описании реальности. Такая позиция является стержневым элементом научной парадигмы, в рамках которой рассматривается объект изучения. Целью данной работы является сравнение различных подходов к пониманию и объяснению языковых функций и обоснование их фрактального понимания – последовательного уточнения многомерной сущности языка.

Методология исследования

В современной лингвистике обоснованы тезисы о различии между языком и речевой деятельностью [1], о символизации как способности представлять действительность с помощью знака и понимать знак [2], о направленности исследовательских интересов от внешне выраженных языковых структур к языковой способности [3], о признании принципиального различия между внутренней и внешней речью [4], о необходимости анализа «конкретной природы сопряжения языка и культуры» [5]. Отметим, что термины, используемые учеными при выделении и описании языковых функций, по-разному осмысливаются авторами соответствующих концепций и поэтому требуют пояснений.

Признавая биосоциальную (т.е. коллективную) сущность человека в качестве основы моделирования языка, исследователи закономерно приходят к выводу о коммуникативной функции как его определяющей характеристике: язык есть важнейшее средство общения, хотя общение может осуществляться и другими способами. Рассматривая освоение и преобразование мира в качестве основы адаптации человека к действительности, философы и лингвисты ставят во главу угла когнитивную функцию языка как его базовую характеристику. Вербализация знаний о мире становится в таком случае определяющим условием очеловеченной реальности, при этом, разумеется, знания могут фиксироваться и в других знаковых системах.

Изучая язык как сложное устройство интерпретации мира, филологи приходят к выводу о функциональной природе языковых знаков. Можно вести дискуссию о том, как использование инструмента, т.е. средства для достижения цели, соотносится с целью, но нет сомнения в том, что средство существенным образом влияет на цель. Не случайно известный антрополог К. Леви-Строс назвал переход от бриколажа, использования любого подручного средства для достижения цели, к инструментальности, осознанного создания специализированного средства, одним из важнейших факторов прогресса человечества на пути от первобытной стадии его существования к современной [6]. Таким образом, моделирование языковых функций может осуществляться как развертывание коммуникативной цели к ее когнитивному воплощению и далее – к знаковой реализации, либо как осуществление освоения реальности через использование знаков в процессе общения, либо как последовательное и многомерное усложнение знаковой системы в концептуализации реальности для обеспечения коммуникации.

Признание коммуникативной функции при определении базовых характеристик языка прослеживается во всех работах лингвистов. Дискуссионным является вопрос о количестве функций. Четко прослеживается противопоставление монофункционального и полифункционального

нального подходов к решению этой проблемы. Сторонники первого подхода признают коммуникативную функцию единственной, выделяя другие в качестве субфункций (механизмов, обеспечивающих выполнение главной функции) и эпифункций (частных проявлений главной функции) [7, 8]. В таком понимании функция есть использование чего-либо. Но при более широком осмыслении функции – как предназначенности объекта для выполнения определенных целей – использование становится одним из модусов его существования. Наряду с использованием объекта к числу его экзистенциальных качеств относится его встроенность в систему других объектов (применительно к языку это встроенность в культуру и человеческое мировосприятие) и принцип его организации (язык есть знаковая система). Приведем известные концепции языковых функций, выделенных сторонниками полифункционального понимания языка.

Понимание функций языка в работах лингвистов и психологов

В основе классической схемы языковых функций у К. Бюлера лежит триада, в которой противопоставляются отправитель речи, ее получатель и предметы и ситуации. Соответственно, функции языка сводятся к изъятию (экспрессии), побуждению (апелляции) и репрезентации [9]. Эта схема коммуникации хорошо известна в лингвистике и часто используется как основание информационно-кодовой модели общения, ее суть, как справедливо отмечает М.Л. Макаров, сводится к выделению информации как ключевого компонента коммуникации [10. С. 23–24].

Хорошо известна схема языковых функций, предложенная Р.О. Якобсоном. Она включает шесть элементов речевого события: адресанта, адресата, контекст, сообщение, контакт и код. Автор подчеркивает, что центральной задачей многих сообщений является установка на референт, ориентация на контекст, и отсюда на первый план в этой модели выходит референтивная (денотативная или когнитивная) функция [11]. Иначе говоря, в центре внимания у нас оказывается выяснение того, о чем идет речь. Очевидна перекличка с информационной моделью коммуникации. Но затем следуют важные дополнения и уточнения. Значимую роль в понимании сути языка играет эмотивная (экспрессивная) функция, сосредоточенная на адресанте и выражающая его отношение к тому, о чем он говорит. Противопоставление эмотивной и референтивной функций языка соответствует известной дихотомии модуса и диктума. Понятно, что модус выражает не только эмоции, но и целую гамму других квалификативных характеристик того, о чем общается: оценку, модальность в узком смысле слова, эвиденциальность и др. Ориентация на адресата выражена в конативной функции

языка. Ее суть состоит в оказании воздействия на коммуникативного партнера, присутствующего или отсутствующего (во втором случае Р.О. Якобсон выделяет особое положение дел, именуемое магической функцией, однако эта функция не входит в состав основных шести). Конативная функция языка лежит в основе многих моделей, построенных в рамках прагмалингвистики. В рассматриваемой модели выделяется также фатическая функция, назначение которой – установление и поддержание контакта с собеседником. Это техническая сторона общения, предшествующая ему и являющаяся фоновой по отношению к нему. Эта функция логически отличается от других функций общения, являясь его необходимым условием. При этом, как проницательно подчеркивает автор, есть виды коммуникации, в которых данная функция является главенствующей и акцентированно выражается. Далее выделяется кодовая (метаязыковая) функция языка, ее назначение состоит в толковании того, о чем идет речь. Эта функция представляет собой вербализацию подразумеваемых смыслов, если возникает вероятность неверного понимания того, о чем сказано. Именно эта функция объясняет возникновение герменевтики как науки о толковании скрытых смыслов. То, что считается очевидным, толкованию не подлежит. Наконец, Р.О. Якобсон выделяет поэтическую функцию языка, т.е. ориентацию на сообщение ради него самого. Автор использует такой термин, показывая, что для поэтической речи направленность на форму сообщения является основной функцией, хотя и не единственной. Референтивная и поэтическая функции языка иллюстрируют двустороннюю сущность языкового знака – его содержание и форму.

Заслуживает внимания схема языковых функций, предложенная А.А. Леонтьевым [12]. Автор противопоставляет функции языка и речи, развивая известную концепцию Ф. де Соссюра, и доказывает, что функции языка сводятся к общению и обобщению. Первая представляет собой регуляцию поведения участников общения и проявляется как воздействие на индивидуальных и коллективных адресатов, а также на самого себя при планировании и осуществлении коммуникации, вторая характеризует язык как орудие мышления, как инструмент овладения общественно-историческим опытом человечества, как закрепление национально-культурных особенностей жизни социума и как орудие познания. Говоря о функциях речи, А.А. Леонтьев называет факультативные характеристики общения, присущие не каждой коммуникативной ситуации. К ним относятся следующие функции: 1) магическая, реализуемая в заклинаниях и подобных речевых поступках; 2) номинативная, проявляющаяся в наименовании конкретных объектов; 3) диакритическая, которая состоит в свернутом употреблении языковых единиц; 4) экспрессивная, понимаемая как взаимодействие языковых и паралингвистических знаков; 5) эстетическая, трактуемая как значимое

использование тех или иных единиц в поэтической речи и в других коммуникативных ситуациях. Можно заметить, что в рассматриваемой модели языковых функций значимыми оказываются те характеристики языка, которые в дальнейшем стали изучаться в рамках когнитивно-дискурсивной лингвистики. Названные автором факультативные характеристики общения (функции речи) весьма интересны для изучения и (несмотря на неоднородность критериев их выделения) несомненно должны быть предметом лингвистического описания.

М. Халлидей, анализируя освоение мира ребенком, выделяет семь функций языка: 1) инструментальную (выполнение потребности, «Хочу пить»); 2) регуляторную (контроль поведения адресата, «Пойдем домой»); 3) интерактивную (установление отношений с адресатом, «Я тебя люблю»); 4) персональную (выражение эмоций, «Больно!»); 5) эвристическую (поиск объяснений, «Почему ты плачешь?»); 6) информативную (запрос информации, «Что это?»); 7) имажинативную (построение воображаемых миров, «Я как будто летаю») [13]. Эти функции распадаются на два класса: прагматические (выполнение действий) и матетические (от греч. *mathesis*) – систематизация знаний, научение как комментирование действий). Прагматические функции первичны, матетические вторичны и развиваются на более высокой стадии освоения мира и языка. Строго говоря, это функции познания, осуществляемого посредством языка. В определенной мере они соотносятся с типами социальных действий, выделенными в классической работе Ю. Хабермаса [14], и речевыми актами, о которых пишет Дж. Серль [15]. Прагматические функции языка (первые две) в представленной модели в целом соответствуют коммуникативному их пониманию в большинстве различных теорий, матетические функции распадаются на эмоциональные (третья и четвертая) и рационально-логические (пятая, шестая и седьмая) характеристики использования языка как инструмента познания и освоения мира. Обратим внимание на то, что в рассматриваемой схеме отсутствует семиотическая сторона языка, т.е. способы выражения различных смыслов, автора интересует только их содержание.

Если мы задумаемся о порядке усложнения рационально-логических проявлений языка, то, по-видимому, следует признать, что информативная функция по своей природе проще, чем эвристическая, и поэтому должна предшествовать последней: сначала мы стремимся узнать, что это, а затем обращаем внимание на скрытые характеристики интересующего нас явления. Нельзя не согласиться с мнением М. Халлидея, поставившего имажинативную функцию языка на вершину своей схемы. Все предшествующие функции отражают мир таким, как он представляется субъекту, но качественный переход в познании реальности заключается в творческом создании возможных миров. В определенной мере эта идея перекликается с концепцией Э. Ганса об эволю-

ции знаний, закрепленных в содержании языковых единиц: сначала языковое обозначение явления синкретично отражает чувственно и рационально постигаемую реальность («Это огонь!»), затем появляется отрицание, открывающее пути для поиска новых обозначений («Это не огонь») и, наконец, возникают способы обозначения ненаблюдаемого мира, характеристики действий в будущем, возможных явлений и т.д. («Мы сможем из этого сделать очаг») [16]. В цепочку рассуждений об усложнении когнитивной функции языка уместно включить модель испанского мыслителя XVI в. Хуана Дуарте, который различал три уровня интеллекта: 1) «послушный разум» (в мышлении нет ничего такого, чего не было бы в чувстве); 2) нормальный интеллект, способность выходить за рамки чувственно воспринимаемой реальности; 3) творческое воображение, выходящее за рамки нормального интеллекта, но иногда включающее «примесь сумасшествия» (цит. по: [3. С. 20–21]).

С позиций лингвокогнитивного осмысления языка выделяются его три основные функции: коммуникативная, когнитивная и интерпретирующая [17]. Такой подход предполагает в качестве стартового момента анализа характеристику когнитивной, т.е. репрезентативной функции языка, объяснение которой требует учесть потребности коммуникации и отношение участников общения к передаваемой информации. Когнитивная функция языка определяет отношение человека к субъективной и объективной реальности, осмысление этой функции в лингвистических исследованиях вызвало множество работ, посвященных лингвистическим концептам [18–23].

Говоря о функциях языка, лингвисты обычно детально анализируют проявления внешней речи. Вместе с тем внешняя речь неразрывно связана с речью внутренней. При этом было бы упрощением полагать, что процессы кодирования и декодирования информации симметричны. Л.С. Выготский выделяет три ступени образования понятий у ребенка: 1) неупорядоченное множество представлений, диффузное распространение значения слова; 2) образование комплексов, сгустков представлений, между элементами которых существует конкретная и фактическая, а не абстрактная и логическая связь; 3) возникновение понятий, ментальных образований, важнейшими характеристиками которых являются осознанность и систематичность [4]. Подчеркивается закономерность становления понятийного мышления, которое, по словам нашего великого психолога, «не выражается, а совершается в слове» [4. С. 27]. Овнешнение мышления, экстериоризация ментальных образований, проходит ряд этапов, детально охарактеризован этап образования комплексов, в которых выделяются ассоциативные, взаимодополнительные, цепные и диффузные смысловые «предпонятия», переходящие (в терминологии автора) в «псевдопонятия» и «потенциальные понятия», которыми мы пользуемся в нашей обыденной жизни.

Отметим, что все эти ментальные комплексы находят речевое воплощение. Между внутренней и внешней речью находится речь эгоцентрическая, которая представляет собой «не аккомпанемент, а самостоятельную мелодию» [4. С. 282]. Комментируя эти наблюдения и выводы, скажем, что функции внешней речи в полной мере соответствуют поддержанию общения, социального взаимодействия с другими людьми, функции внутренней речи сводятся к установлению динамического единства между аффективными рефлексам, позволяющими человеку ориентироваться в мире и самом себе, функции эгоцентрической речи состоят в упорядочении этих рефлексов, их переходе в значения, т.е. в рационально-логические структуры, определяющие картину мира индивида.

Взаимопереходы между внутренней и внешней речью точно названы В.М. Савицким: «Язык есть “кристаллизованная” речемысль» [24. С. 18]. Важно в этой связи подчеркнуть сходство в организации языка как системы единиц и правил их использования и речевой деятельности как живой реальности общения. В.В. Дементьев, говоря о природе речевых жанров как гибких формульных единицах коммуникации, «живых» узуальных нормах прототипного типа, подчеркивает, что различия между моделями языка и речи имеют «тонкий, во многом статистический и относительный характер» [25. С. 495]. Отсюда вытекает вывод о нерелевантности противопоставления языка и речи с позиций коммуникативной и когнитивной лингвистики и о важности поиска таких различий при построении семиотических моделей языка. В этом плане представляется весьма интересной концепция А.В. Соколова, который вносит дополнение в известную схему Ч. Огдена и А. Ричардса (денотат – значение – имя), противопоставляя в значении индивидуальное и коллективное осмысление денотата в терминах «коннотат» и «концепт» [26].

Заслуживает внимания феномен «партиципация» (сопричастность) – особенность примитивного мышления, состоящая в установлении тождества и взаимовлияния между предметами, в то время как между ними не существует ни пространственного контакта, ни какой-либо другой причинной связи [4. С. 129]. Такое мировосприятие характерно для детей на начальном уровне их развития, для примитивных племен и для людей, страдающих шизофренией, хотя в каждом случае имеется своя специфика отражения реальности в сознании и коммуникативной практике. Вместе с тем такое пралогическое мышление сосуществует с логическим и в коммуникативной практике наших современников, это два типа мышления, каждый из которых функционально соответствует коммуникативной ситуации и находит различные способы речевого выражения. Эти рассуждения имеют прямое отношение к концептам и процессам концептуализации, составляющим предмет изучения современной когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

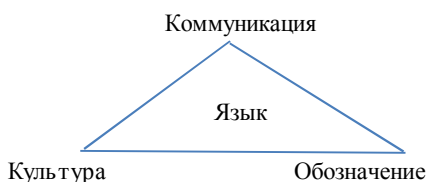
Пафос аргументации Л.С. Выготского, на первый взгляд, заключается в доказательстве более высокого уровня научной картины мира по сравнению с житейской, или наивной, картиной реальности в сознании. Такое понимание когнитивной функции языка для многих исследователей является аксиоматичным. Детальное развитие этот подход получил в монографии А.Б. Соломоника, который выделяет пять уровней знаковых систем: знаки естественные, образные, языковые, схематично-письменные и формализованно-математические [27]. Вместе с тем все многообразие человеческой активности не сводится только к научному познанию реальности. В этом плане важным является тезис о том, что «сама мысль рождается не из другой мысли, а из мотивирующей сферы нашего сознания, которая охватывает наше влечение и потребности, наши интересы и побуждения, наши аффекты и эмоции. За мыслью стоит аффективная и волевая тенденция» [4. С. 314]. Отсюда следует вывод о том, что для ориентации в обиходной житейской ситуации необходимы и достаточны именно житейские смысловые образования. Отсюда вытекает и принципиальный вывод о равноправии литературного и разговорного языков. Этот вывод был сформулирован Цицероном, который считал, что главной характеристикой риторической организации речи является ее уместность [28].

С иных позиций эта идея получила развитие в концепции В.В. Налимова, противопоставившего разные семиотические системы в рамках условной шкалы, крайними точками на которой являются «мягкий язык музыки» и «жесткий язык формул», а естественный язык в виде вербальной коммуникации занимает срединное положение [29]. Несколько упрощая положение дел, можно сказать, что языковое осмысление реальности разворачивается в трех главных направлениях – обиходное, художественное и научно-специализированное общение, и у каждого из этих векторов есть специфическая цель и соответствующие этой цели средства.

Эволюция лингвистических теорий со второй половины XX в., как справедливо отмечает В.В. Глебкин, проявляется в движении от изоляционистской научной парадигмы (язык как замкнутая система) к антропоцентричной (язык как важнейшая характеристика *homo sapiens*) и далее к социокультурной (язык как феномен культуры) [30]. Соответственно, расширяется понимание функций языка [31–33].

Фрактальная модель функций языка

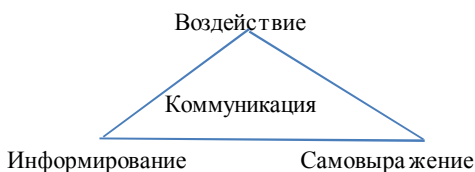
Суммируя приведенные подходы к пониманию функций языка, представим их в виде нескольких треугольников. В качестве базовой объяснительной схемы выступает соотношение между коммуникацией, культурой и обозначением:

Язык возникает и развивается как реализация потребности в коммуникации, будучи явлением культуры и существуя в виде знаковой системы.

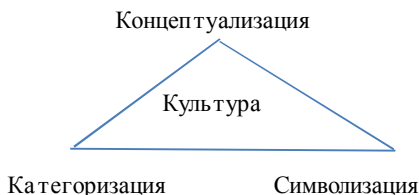
Каждая из языковых функций также может быть схематично представлена в виде треугольников.

В процессе коммуникации осуществляется взаимное воздействие участников общения друг на друга, их взаимное информирование и самовыражение:

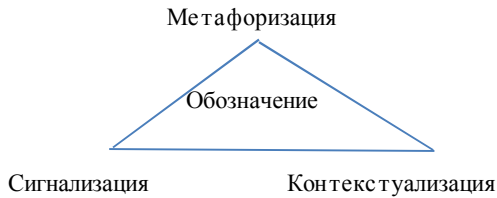
Коммуникация включает воздействие как побудительный аффект, обусловленный потребностями участников общения, информирование как передачу определенных знаний и самовыражение как поимовольное и намеренное разыгрывание драматургического действия.

Культура в языковом аспекте (или, точнее, когнитивно-культурное содержание языковых единиц разных типов) может быть представлена в следующем виде:

Концептуализация представляет собой выделение и закрепление в картине мира значимых фрагментов субъективной и объективной реальности в виде переживаемых квантов знания, включающих понятийное, образное и ценностное содержание; категоризация – это упорядочение представлений, выделение и закрепление их типов в сознании; символизация – это эмоционально маркированное осмысление ценностно насыщенных образов, определяющих культурные доминанты мировосприятия.

Принцип организации языка состоит в его знаковой природе. Схематично обозначение как семиотический механизм языка может быть представлено в следующем виде:

Сигнализация представляет собой выделение объекта, получающего знаковую фиксацию в той или иной языковой форме, сигнализация есть закрепление значения, герменевтически она соответствует узнаванию фрагмента реальности; метафоризация является расширением содержания знака, его переносом на другие объекты, герменевтически этому вектору обозначения соответствует постижение сущности объекта; контекстуализация является конкретной ситуативно и личностно обусловленной ипостасью использования языкового знака, его значение проявляется как смысл. Каждый из векторов функций языка допускает фрактальное уточнение и может быть развернут в той или иной объяснительной модели.

Заключение

Моделирование функций языка направлено на научное осмысление его существования и предполагает характеристику его предназначения быть средством общения, способом познания мира и инструментом закрепления переживаемых знаний о мире в чувственно воспринимаемых формах. Такое моделирование отражает ведущую тенденцию современного гуманитарного знания – интегративное осмысление достижений лингвистики, психологии, социологии и культурологии. Модель языковых функций должна быть многовекторной, поскольку мир многопричинен и многовариантен.

Одной из возможных объяснительных схем этих функций является последовательное выделение базовых векторов языкового существования. Каждый из этих векторов характеризует сложившуюся научную парадигму в лингвистике – коммуникативную, культурно-когнитивную и семиотическую. Описание языковых функций в каждой из парадигм лингвистики обнаруживает как специфику этих функций, так и их взаимодополнительность.

Список источников

1. *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию / пер. с фр.; под ред. А.А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977. 696 с.

2. **Бенвенист Э.** Общая лингвистика / под ред., с вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанова. М. : Прогресс, 1974. 448 с.
3. **Хомский Н.** Язык и мышление / пер. с англ. и под ред. В.В. Раскина. М. : Изд-во МГУ, 1972. 122 с.
4. **Выготский Л.С.** Мышление и речь. Психологические исследования / под ред. и со вступ. ст. В. Колбановского. М. ; Л. : Государственное социально-экономическое издательство, 1934. 324 с.
5. **Верецагин Е.М., Костомаров В.Г.** Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / под ред. и послесл. акад. Ю.С. Степанова. М. : Индрик, 2005. 1040 с.
6. **Леви-Строс К.** Первобытное мышление / пер., вступ. ст. и прим. А.Б. Островского. М. : Республика, 1994. 384 с.
7. **Пазухин Р.В.** Язык, функция, коммуникация // Вопросы языкознания. 1979. № 6. С. 42–50.
8. **Карабыков О.В.** К вопросу о системном представлении функций языка // Вестник Омского университета. 2008. № 3. С. 79–84.
9. **Бюлер К.** Теория языка. Репрезентативная функция языка / пер. с нем., общ. ред. и коммент. Т.В. Булыгиной. М. : Прогресс, 1993. 528 с.
10. **Макаров М.Л.** Основы теории дискурса. М. : Гнозис, 2003. 280 с.
11. **Якобсон Р.О.** Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». М. : Прогресс, 1975. С. 193–230.
12. **Леонтьев А.А.** Язык, речь, речевая деятельность. М. : Просвещение, 1969. 214 с.
13. **Halliday M.A.K.** Learning how to mean: Explorations in the development of language. London : Arnold, 1975. 176 p.
14. **Habermas J.** The Theory of Communicative Action. Vol. 1: Reason and the Rationalization of Society. L. : Heinemann, 1984. 465 p.
15. **Серль Дж.** Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М. : Прогресс, 1986. С. 122–129.
16. **Gans E.** The Origin of Language. A Formal Theory of Representation. Berkeley, 1981. 314 p.
17. **Болдырев Н.Н.** Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М. : Языки славянской культуры, 2018. 480 с.
18. **Воркачев С.Г.** Воплощение смысла: conceptualia selecta. Волгоград : Парадигма, 2014. 331 с.
19. **Карасик В.И.** Языковой крут: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
20. **Красавский Н.А.** Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград : Перемена, 2001. 495 с.
21. **Слышкин Г.Г.** Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград : Перемена, 2004. 340 с.
22. **Степанов Ю.С.** Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
23. **Стернин И.А.** Описание концепта в лингвоконцептологии // Лингвоконцептология. Вып. 1 / науч. ред. И.А. Стернин. Воронеж : Истоки, 2008. С. 8–20.
24. **Савицкий В.М.** Основы общей теории идиоматики. М. : Гнозис, 2006. 208 с.
25. **Дементьев В.В.** Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.
26. **Соколов А.В.** Введение и теорию социальной коммуникации : учеб. пособие. СПб. : СПбГУП, 1996. 320 с.
27. **Соломоник А.Б.** Философия знаковых систем и язык. Минск : МЕТ, 2002. 408 с.
28. **Цицерон М.Т.** Три трактата об ораторском искусстве / пер. с лат. ; под ред. М.Л. Гаспарова. М. : Научно-издательский центр «Ладомир», 1994. 475 с.
29. **Налимов В.В.** Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. М. : Наука, 1979. 303 с.

30. **Глебкин В.В.** Смена парадигм в лингвистической семантике: от изоляционизма к социокультурным моделям. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2014. 368 с.
31. **Костомаров В.Г.** Проблема общественных функций языка и понятие «мировой язык» // Социолингвистические проблемы развивающихся стран. М., 1975. С. 239–243.
32. **Кубрякова Е.С.** Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М. : Институт языкознания РАН, 1995. С. 144–238.
33. **Мамушкина С.Ю.** Коммуникативная релеванность языковых функций // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5, № 4 (17). С. 84–87.

References

1. Saussure F. de. (1977) Trudy po yazykoznaniiyu [Works on linguistics]. Per. s fr. pod red. A.A. Kholodovicha. M.: Progress. 696 p.
2. Benvenist E. (1974) Obshchaya lingvistika [General linguistics]. Pod red. i vstupitel'noj stat'ej i kommentariem Yu.S. Stepanova. M.: Progress. 448 p.
3. Homsy N. (1972) Yazyk i myshlenie [Language and cognition]. Per. s angl. pod red. V.V. Raskina. M.: Izd-vo MGU. 122 p.
4. Vygotskij L.S. (1934) Myshlenie i rech'. Psihologicheskie issledovaniya [Cognition and speech. Psychological studies]. Pod red. i so vstupitel'noj stat'ej V. Kolbanovskogo. M., L.: Gosudarstvennoe social'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo. 324 p.
5. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. (2005) Yazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskie koncepcii: leksicheskogo fona, reche-povedencheskih taktik i sapientemy [Language and culture. Three linguocultural concepts: lexical background, speech-behavioral tactics and sapientems] / pod red. i s poslesloviem akademika Yu.S. Stepanova. M.: Indrik. 1040 p.
6. Levi-Straus K. (1994) Pervobytnoe myshlenie [Primitive thinking]. Per., vstup. st. i prim. A.B. Ostrovskogo. M.: Respublika. 384 p.
7. Pazuhin R.V. (1979) Yazyk, funkciya, kommunikaciya [Language, function, communication] // Voprosy yazykoznaniiya. 6. pp. 42-50.
8. Karabykov O.V. (2008) K voprosu o sistemnom predstavlenii funkciy yazyka [On the question of the system representation of language functions] // Vestnik Omskogo universiteta. 3. pp. 79-84.
9. Bühler K. (1993) Teoriya yazyka. Reprezentativnaya funkciya yazyka [Representative function of language]. Per. s nem. obshch. red. i komment. T.V. Bulyginoy. M.: Progress. 528 p.
10. Makarov M.L. (2003) Osnovy teorii diskursa [Fundamentals of the theory of discourse]. M.: Gnosis. 280 p.
11. Jacobson R.O. (1975) Lingvistika i poetika [Linguistics and poetics] // Strukturalizm “za” i “protiv”. M.: Progress. pp. 193-230.
12. Leont'ev A.A. (1969) Yazyk, rech', rechevaya deyatel'nost' [Language, speech, speech activity]. M.: Prosveshchenie. 214 p.
13. Halliday M.A.K. (1975) Learning how to mean: Explorations in the development of language. London: Arnold. 176 p.
14. Habermas J. (1984) The Theory of Communicative Action. Vol.1. Reason and the Rationalization of Society. L.: Heinemann. 465 p.
15. Searle J. (1986) Klassifikaciya illokutivnykh aktov [Classification of illocutionary acts] // Novoe v zarubezhnoj lingvistike: Vyp.17. Teoriya rechevykh aktov. M.: Progress. pp. 122-129.
16. Gans E. (1981) The Origin of Language. A Formal Theory of Representation. Berkeley. 314 p.
17. Boldyrev N.N. (2018) Yazyk i sistema znanij. Kognitivnaya teoriya yazyka [Language and knowledge system]. M.: Izdatel'skij Dom “Yazyki slavyanskoj kul'tury”. 480 p.
18. Vorkachev S.G. (2014) Voploshchenie smysla: conceptualia selecta: monografiya (Embodiment of meaning: conceptualia selecta). Volgograd: Paradigma. 331 p.

19. Karasik V.I. (2002) Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena. 477 p.
20. Krasavskij N.A. (2001) Emocional'nye koncepty v nemeckoj i russkoj lingvokul'turakh: monografiya [Emotional concepts in German and Russian linguistic cultures: monograph]. Volgograd: Peremena. 495 p.
21. Slyshkin G.G. (2004) Lingvokul'turnye koncepty i metakoncepty: monografiya [Linguocultural concepts and metaconcepts: monograph]. Volgograd: Peremena. 340 p.
22. Stepanov Yu.S. (1997) Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya [Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience]. M.: Shkola "Yazyki russkoj kul'tury". 824 p.
23. Sternin I.A. (2008) Opisanie koncepta v lingvokonceptologii [Description of the concept in linguoconceptology] // Lingvokonceptologiya. Vyp. 1. / Nauch. red. I.A. Sternin. Voronezh: Istoki. pp. 8-20.
24. Savickij V.M. (2006) Osnovy obshchej teorii idiomatiki [Fundamentals of the general theory of idiomatics.]. M.: Gnozis. 208 p.
25. Dement'ev V.V. (2010) Teoriya rechevyh zhanrov [Theory of speech genres]. M.: Znak. 600 p.
26. Sokolov A.V. (1996) Vvedenie i teoriyu social'noj kommunikacii: uchebnoe posobie [Introduction and theory of social communication: textbook]. SPb.: SPbGUP. 320 p.
27. Solomonik A.B. (2002) Filosofiya znakovyh sistem i yazyk [Philosophy of sign systems and language]. Minsk: MET. 408 p.
28. Ciceron M.T. (1994) Tri traktata ob oratorskom iskusstve [Three treatises on oratory]. Per. s lat. / Pod red. M.L. Gasparova. M.: Nauchno izdatel'skij centr "Ladomir". 475 p.
29. Nalimov V.V. (1979) Veroyatnostnaya model' yazyka. O sootnoshenii estestvennykh i iskusstvennykh yazykov [Probabilistic model of language. On the relationship between natural and artificial languages]. M.: Nauka. 303 p.
30. Glebkin V.V. (2014) Smena paradigm v lingvisticheskoj semantike: ot izolyacionizma k sociokul'turnym modelyam [Change of paradigms in linguistic semantics: from isolationism to sociocultural models]. M.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ. 368 p.
31. Kostomarov V.G. (1975) Problema obshchestvennyh funkcij yazyka i ponyatie "mirovoj yazyk" [The problem of social functions of language and the concept of "world language"] // Sociolingvisticheskie problemy razvivayushchihsya stran. M. pp. 239-243.
32. Kubryakova E.S. (1995) Evolyuciya lingvisticheskikh idej vo vtoroj polovine 20 veka (opyt paradigmalnogo analiza) [Evolution of linguistic ideas in the second half of the 20th century (the experience of paradigm analysis)] // Yazyk i nauka konca 20 veka. M.: Institut yazykoznaniya RAN. pp. 144-238.
33. Mamushkina S.Yu. (2016) Kommunikativnaya relevantnost' yazykovykh funkcij [Communicative relevance of language functions] // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. Vol. 5, 4 (17). pp. 84-87.

Информация об авторе:

Карасик В.И. – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (ул. Академика Волгина, 6, Москва, Россия, 117485). E-mail: vkarasik@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Karasik V.I., Dr.Sc. (Philology), Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute (Acad. Volgin str., 6, Moscow, Russia, 117485). E-mail: vkarasik@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 30.03.2021; принята к публикации 04.05.2022

Received 30.03.2021; accepted for publication 04.05.2022